РАШИДОВА Шахзода Раимовна
Международная исламская академии Узбекистана
старший преподаватель (PhD)

КОНЦЕПЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ ГРАЖДАН И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН В КОНТЕКСТЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

THE CONCEPT FOR ENSURING FREEDOM OF CONSCIENCE OF THE CITIZENS AND STATE POLICY IN THE RELIGIOUS SPHERE IN THE CONTEXT OF REGULATING THE INSTITUTION OF THE FAMILY IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASIDA FUQAROLARNING VIJDON ERKINLIGINI TA’MINLASH VA DINIY SOHADAGI DAVLAT SIYOSATI KONSEPSIYASI OILAVIY INSTITUTNI TARTIBGA SOLISH KONTEKSTIDA

Аннотация: *Настоящая статья посвящена анализу Закона Республики Узбекистан от 11 февраля 2025 года «Об утверждении Концепции обеспечения свободы совести граждан и государственной политики в религиозной сфере». Особое внимание уделяется влиянию данного закона на институт семьи, в частности — на правовое регулирование брака как социального явления. Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем юридический, социокультурный и политологический анализ, и опирается на нормативно-правовые источники, экспертные мнения и эмпирические данные. Авторы предлагают рекомендации по обеспечению баланса между светскостью, правами человека и религиозными традициями.*

Ключевые слова: *Узбекистан, свобода совести, государственная политика, религия, институт семьи, брак, правовое регулирование, светское государство, религиозные меньшинства, законодательство.*

Abstract: *This article analyzes the Law of the Republic of Uzbekistan dated February 11, 2025, “On the Approval of the Concept of Ensuring Citizens’ Freedom of Conscience and State Policy in the Religious Sphere”. Particular attention is paid to the impact of this law on the institution of the family, especially on the legal regulation of marriage as both a social construct. The study is based on an interdisciplinary approach that combines legal, sociocultural, and political analysis and draws upon legal sources, expert opinions, and empirical data. The authors offer recommendations for maintaining a balance between secularism, human rights, and religious traditions.*

Keywords: *Uzbekistan, freedom of conscience, state policy, religion, family institution, marriage, legal regulation, secular state, religious minorities, legislation.*

Annotatsiya: *Mazkur maqola 2025-yil 11-fevralda qabul qilingan “Fuqarolarning vijdon erkinligini ta’minlash va diniy sohadagi davlat siyosati konsepsiyasini tasdiqlash to‘g‘risida”gi O‘zbekiston Respublikasi Qonuni tahliliga bag‘ishlangan. Asosan ushbu qonunning oila institutiga, xususan nikohning ijtimoiy hodisa sifatida huquqiy tartibga solinishiga ta’siri o‘rganiladi. Tadqiqot yuridik, sotsiomadaniy va siyosiy tahlilni birlashtirgan tarmoqlararo yondashuvga asoslanadi hamda normativ-huquqiy manbalar, ekspert fikrlari va empirik ma’lumotlarga tayanadi. Mualliflar dunyoviylik, inson huquqlari va diniy an’analar o‘rtasidagi muvozanatni ta’minlashga oid tavsiyalarni ilgari suradi.*

Kalit so‘zlar: *O‘zbekiston, vijdon erkinligi, davlat siyosati, din, oila instituti, nikoh, huquqiy tartibga solish, dunyoviy davlat, diniy ozchiliklar, qonunchilik.*

ВВЕДЕНИЕ

Республика Узбекистан, обладая многоконфессиональным населением и богатыми религиозными традициями, проводит активную государственную политику в религиозной сфере, стремясь обеспечить баланс между светскостью государства, правами граждан и необходимостью поддержания общественной стабильности. Принятие Закона Республики Узбекистан от 11 февраля 2025 года «Об утверждении Концепции обеспечения свободы совести граждан и государственной политики в религиозной сфере» представляет

собой важный этап в институционализации подходов к регулированию религиозной жизни в стране. Данный нормативно-правовой акт не только закрепляет стратегические ориентиры государственной религиозной политики, но и оказывает непосредственное влияние на иные социальные институты, прежде всего — на семью как базовую ячейку общества.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена необходимостью научного осмысления того, каким образом реализация положений Концепции 2025 года влияет на регулирование института семьи, включая правовые и социокультурные аспекты брака, родительства и социализации всех членов семьи. Особенно значимым в этом контексте является анализ пересечений между свободой совести как индивидуальным правом и семейными обязанностями, которые нередко формируются под влиянием религиозных убеждений.

Цель статьи — исследовать содержание и последствия государственной политики в религиозной сфере, зафиксированной в Концепции 2025 года, через призму института семьи. Задачи исследования включают: 1) анализ нормативной базы свободы совести и регулирования религиозной сферы; 2) выявление исторических и политических контекстов государственной политики; 3) рассмотрение влияния религиозных норм на институт семьи; 4) осмысление междисциплинарных подходов к изучению обозначенной проблематики; 5) формулирование практических рекомендаций по обеспечению прав человека и устойчивости института семьи в условиях усиливающегося религиозного фактора.

Методология исследования опирается на сочетание юридического анализа нормативных актов, социологического осмысления трансформаций государственной политики, а также социокультурного подхода к пониманию роли религии в повседневной жизни граждан. Используются данные сравнительного права, анализ мнений экспертов, результаты социологических исследований и академических публикаций.

Государственная политика в религиозной сфере: историко-политический контекст

Государственная политика в религиозной сфере Узбекистана формировалась на пересечении советского наследия, исламской традиции и постсоветской идеологии национального строительства. После обретения независимости в 1991 году Узбекистан оказался перед сложной задачей выработки светской модели взаимодействия с религиозными институтами в условиях возрождения исламских ценностей и растущей религиозной активности населения.

Свобода совести и вероисповедания является одним из краеугольных прав человека, закреплённых в Конституции Республики Узбекистан. В соответствии со статьёй 31 Основного Закона, «каждому гарантируется свобода совести. Право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Нельзя принуждать человека к религии или отказу от неё» [1]. Это положение воспроизводит универсальные нормы международного права, в частности статьи 18 Всеобщей декларации прав человека (1948) и Международного пакта о гражданских и политических правах (1966) [2], присоединение к которым подтверждает приверженность Узбекистана общепринятым правовым стандартам.

В первые годы независимости основным приоритетом государства стало утверждение светскости как основы общественного устройства. В этом контексте религия рассматривалась одновременно как элемент культурного наследия. Как отмечают исследователи, например, Б. Б. Сафаров, «на фоне роста религиозного самосознания государство избрало стратегию сдержанного признания религиозного компонента при одновременном контроле над его институциональными проявлениями» [3].

События конца 1990-х и начала 2000-х годов, включая угрозу религиозного экстремизма, привели к усилению законодательной и административной базы. Законы 1998 года «О свободе совести и религиозных организациях» и «О противодействии экстремизму» зафиксировали рамки допустимой религиозной деятельности. В рамках борьбы с радикализмом была развёрнута система мониторинга и профилактики, особенно в отношении мусульманских группировок, действующих вне Управления Мусульман Узбекистана.

Однако начиная с 2016 года, после смены политического руководства, религиозная

ISSN 2181-9572

политика в Узбекистане вступила в фазу либерализации. Новый курс предполагал «открытость, толерантность и уважение к духовным ценностям». Были упрощены процедуры регистрации, активизированы международные контакты с мусульманскими и межконфессиональными организациями, увеличена роль религиозного просвещения и профилактики вместо репрессивных мер.

Ключевым моментом стала «Стратегия развития Узбекистана — 2030», в рамках которой вопросы свободы совести заняли важное место среди приоритетов правовой и социальной модернизации [4]. На этом фоне принятие Концепции 2025 года стало логичным продолжением курса на обновление институтов государственной религиозной политики, направленного на соблюдение прав граждан и укрепление общественного согласия.

Институт семьи в Узбекистане: традиции и трансформации

Семья является фундаментальным институтом любого общества. Институт семьи в Узбекистане представляет собой сложную социокультурную конструкцию, в которой переплетаются нормы светского законодательства, исламские предписания, обычаи (адаты) и современные представления о правах человека. С момента обретения независимости в 1991 году правовое регулирование семьи развивалось в направлении закрепления универсальных норм семейного права, при этом с сохранением определённой адаптивности к местной культурной специфике.

Юридическим основанием института семьи служит Семейный кодекс Республики Узбекистан, принятый в 1998 году [5]. Кодекс устанавливает равенство супругов, добровольность брачного союза, государственную регистрацию брака, а также правовые гарантии защиты прав ребёнка, матери и отца. В нем содержатся нормы, прямо исключающие юридическое признание полигамии и религиозных браков, если они не оформлены в установленном законом порядке. Такой подход отражает установку на светский характер правовой системы и приоритет норм позитивного права.

Однако в действительности семейная жизнь в Узбекистане нередко регулируется также неформальными религиозными и традиционными нормами, особенно в сельских регионах и патриархальных сообществах. Исследования показывают, что заключение браков по шариату (никах), практика многожёнства, соблюдение обрядов, связанных с исламскими предписаниями, остаются распространёнными, несмотря на их правовую нерелевантность. В некоторых случаях это приводит к коллизиям между фактическими семейными отношениями и их юридическим признанием государством.

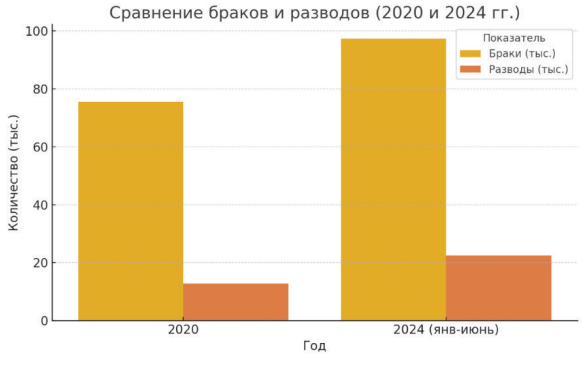
Наблюдается двойственность регулирования: формальное право опирается на светские нормы, в то время как повседневная практика нередко следует религиозно-обрядовым канонам. Это порождает такие проблемы, как отсутствие юридической защиты женщин в религиозных браках, сложности с наследованием, регистрацией детей и получением социальных гарантий. В юридико-социологическом контексте такая ситуация демонстрирует, как религиозные установки продолжают функционировать как параллельная нормативная система.

Обеспечение устойчивости института семьи представляет собой одну из ключевых задач государственной социальной политики, что подтверждается статистическими данными, публикуемыми официальными органами. Согласно информации, размещённой на официальном сайте Агентства по статистике при Министерстве экономики и финансов Республики Узбекистан [6], в январе–июне 2024 года было зарегистрировано 97,4 тыс. браков. Несмотря на незначительное снижение по сравнению с аналогичным периодом 2023 года (на 1,2 тыс.), наблюдается устойчивый рост в долгосрочной перспективе — на 21,8 тыс. больше, чем в 2020 году. При этом 51,4% браков заключены в городской местности, а 48,6% — в сельской. Средний возраст вступления в брак составил 22,9 года у женщин и 27,8 года у мужчин, причём 76,2% невест — женщины до 25 лет.

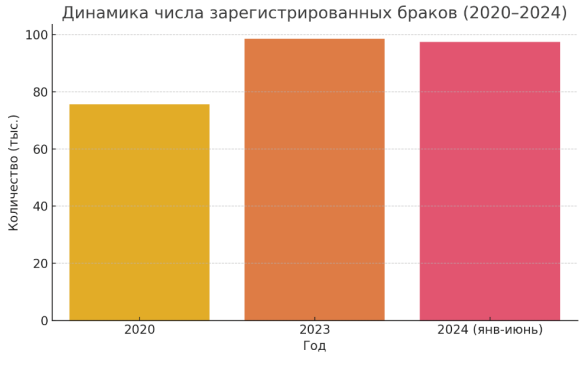
Показатели по разводам также свидетельствуют о ряде социальных вызовов: за первое полугодие 2024 года было зарегистрировано 22,5 тыс. разводов,

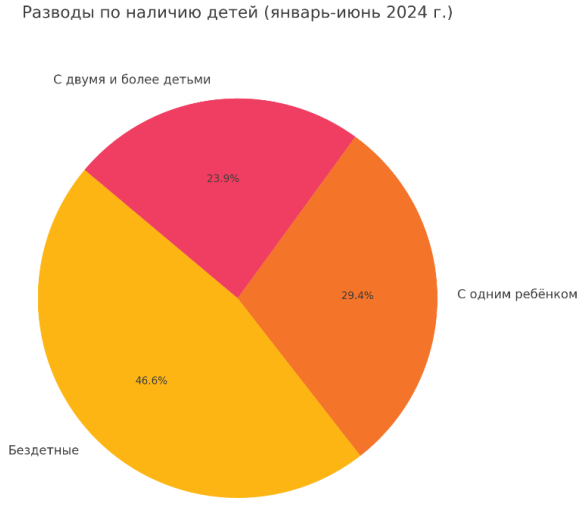
из которых 61,6% — в городах и 38,4% — в сельской местности. Особенно тревожит высокий процент разводов среди молодых женщин: 64,1% всех разводов приходятся на женщин до 35 лет [7].

Ниже графически представлены показатели браков и разводов 2020-2024 года в Узбекистане:

Сравнение количества браков и разводов (2020 и 2024) — демонстрирует рост по обоим направлениям, особенно по числу разводов.

Вышеуказанная диаграмма, иллюстрирует распределение разводов по наличию детей за период январь–июнь 2024 года. Согласно данным Агентства по статистике Республики Узбекистан, в период январь–июнь 2024 года было зарегистрировано 22,5 тыс. разводов, из которых наибольшая доля — 10 479 случаев (46,6%) — пришлась на бездетные браки [8]. Эта закономерность заслуживает особого внимания с точки зрения правового регулирования семейно-брачных отношений и возможного влияния традиционно-религиозных представлений на поведение супругов.

Согласно Семейному кодексу Республики Узбекистан, статья 42 устанавливает, что брак может быть расторгнут как по взаимному согласию супругов, так и в случае невозможности дальнейшего совместного проживания и сохранения семьи. Закон не ограничивает основания для развода лишь социальными или экономическими причинами — ключевым критерием является «непреодолимый разлад» в отношениях.

В случае бездетных браков процедура расторжения может быть менее затруднительной: отсутствуют вопросы, связанные с разделом родительских прав, опекой, алиментами на ребёнка, что зачастую облегчает формальные и психологические аспекты развода. Это может быть одной из причин высокого процента разводов среди бездетных пар.

Однако помимо юридических факторов, влияние религиозных и культурных установок также может оказывать значительное давление на супругов, особенно в вопросах фертильности. В традиционном узбекском обществе, где сохраняется высокая значимость продолжения рода и рождения детей как функции семьи, отсутствие детей может восприниматься как неполноценность союза, что, в свою очередь, может инициировать расторжение брака — либо по инициативе одного из супругов, либо под влиянием расширенного круга родственников.

Несмотря на то, что законодательство Узбекистана не делает различий между бездетными и родительскими браками в части процедуры развода, общественные установки и негласные нормы, основанные на религиозных и культурных взглядах, могут оказывать давление на принятие решений о

ISSN 2181-9572

расторжении брака. Это особенно актуально в сельской местности, где социальный контроль со стороны общественности и родственных связей более выражен, чем в городской среде.

Академическая полемика: оценки учёных

Научное осмысление государственной политики в религиозной сфере и её взаимодействия с институтом семьи в Республике Узбекистан вызывает устойчивый интерес среди исследователей различных дисциплин — правоведов, религиоведов, социологов, политологов.

Согласно точке зрения академика А.Х. Саидова отношения между государством и религиозными организациями в Узбекистане носят правовой характер: во-первых, государство определяет нормы, устанавливающие юридический статус и место в государстве и обществе религиозных организаций; во-вторых, создаёт необходимые условия для их нормальной деятельности; в-третьих, ведёт мониторинг за исполнением законодательства о свободе совести и религиозных организациях [9].

В то же время, профессор юридических наук Н.Ж. Юсупова в своей статье «Основные принципы исламского права в укреплении семейных отношений» раскрывает общую картину сочетания светских и религиозных норм семейных правоотношений в условиях Узбекистана. По ее мнению, конечной целью проводимой в Узбекистане семейной политики – это духовное возвышение нации, обеспечение социально-экономического развития общества через духовные качества и моральные критерии. Так, она указывает на то, что «в формировании и возвышении своеобразной духовности любой нации несравнимо место и влияние семьи. Так как самые чистые и кристальные чувства человека, его первые понятия и воображения о жизни формируются, в первую очередь, именно в семейной среде. Фундамент таких святых понятий, как добро и благородство, любовь, честь и стыд, определяющих характер, природу и мировоззрение ребенка, несомненно создается в условиях семьи» [10].

Исламовед Мухаммодолима Мухаммадсидиков в своей статье «Религиозная толерантность как главная черта общественной жизни Узбекистана» анализирует условия развития узбекской этноконфессиональной среды, выделяет векторы государственной политики в отношении данного феномена, определяет значение толерантности в отношении существующих конфессий для формирования конструктивного поля диалога. По мнению ученого, государство в своих взаимоотношениях с религиозными организациями, является светским и придерживается следующих принципов: во-первых, уважительное отношение к религиозным чувствам верующих, признание религиозных убеждений частным делом граждан или их законных объединений; во-вторых, гарантирование равных прав и недопустимость преследования граждан как исповедующих религиозные взгляды, так и не исповедующих их; в-третьих, необходимость поиска диалога с различными религиозными объединениями для использования их возможностей в деле духовного возрождения, утверждения общечеловеческих моральных ценностей [11].

В зарубежной научной литературе также прослеживается интерес к ситуации в Узбекистане. Так, международный исследователь доктор Лаура Ерекешева характеризует религиозную политику страны как пример В данной статье я хотел бы кратко коснуться проблемы культурной идентичности кочевого населения региона, базирующейся на смешении различных религиозных верований (таких как шаманизм, культ Тенгри, ислам и т. д.), которые в определенной степени продолжают оказывать влияние на современную жизнь и сознание. Роль религии здесь критически анализируется через призму некоторых положений теории системного функционализма, согласно которой, религия как основа и основная характеристика культурной системы транслирует все ее основные признаки и характеристики на другие системы, в том числе и социальную. Можно сказать, что нет культуры без религии и наоборот, и это оправдано даже в отношении современной жизни, хотя светский подход, меняющееся восприятие религии и тяготение к более

духовным, а не строгим религиозным догматам добавляют к этому еще одно измерение. В этом отношении широкая культурная идентичность не может быть полностью понята без учета роли, которую религия(и) играли в исторической перспективе той или иной культуры. Сегодня, будучи вытесненной в светских обществах на периферию культурной системы и современной общественной жизни, религия как элемент культуры все еще имеет потенциал влияния на сознание, либо через самостоятельные религиозные традиции, новообразованные религиозные схемы спасения, либо под завесой духовности и мифологического мышления, где также можно найти четкое религиозное измерение [12].

РЕКОМЕНДАЦИИ И ПУТИ ГАРМОНИЗАЦИИ

Анализ правового и социокультурного взаимодействия свободы совести и института семьи в Узбекистане свидетельствует о наличии не только нормативных, но и глубинных мировоззренческих и культурных расхождений, которые требуют гибкой и взвешенной правовой политики. На основе проведённого исследования представляются обоснованными следующие рекомендации:

1. Совершенствование нормативной базы в части брачно-семейных отношений с учётом религиозного фактора

Разработка интерпретационных механизмов применения семейного законодательства в случаях, когда повседневные практики обусловлены религиозными убеждениями граждан (например, никях-браки).

Введение норм, предусматривающих добровольное согласование религиозных обрядов с государственным правом, без придания последним юридической силы вне процедуры регистрации, но с возможностью их учёта при судебном рассмотрении дел.

3. Укрепление гарантий свободы совести в семейной сфере

Закрепление в законодательстве принципа недопустимости дискриминации по религиозному признаку внутри семьи, в том числе в межличностных отношения супругов, разделе имущества, определении порядка общения с ребёнком после развода.

4. Развитие образовательных и просветительских механизмов

Включение в школьные и университетские программы элементов правового просвещения о светском и религиозном подходах к семье, с акцентом на взаимное уважение и правовой плюрализм.

Поддержка исследовательских проектов и публикаций, направленных на комплексное изучение трансформации семьи в условиях роста религиозности.

5. Разработка индикаторов оценки эффективности религиозной политики в семейной сфере.

Проведение мониторинга и эмпирических исследований, отражающих влияние государственной религиозной политики на устойчивость браков, защиту прав женщин и детей, распространённость альтернативных форм брака.

Достижение устойчивого баланса между свободой совести, светскими правовыми началами и социокультурными традициями требует комплексных и адаптивных механизмов. Гармонизация данных сфер возможна лишь при условии диалога, взаимного уважения и институциональной чувствительности государства к религиозной и семейной реальности современного Узбекистана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Узбекистан. (в ред. 2023 г.) // Национальная база данных законодательства. URL: https://lex.uz // Последние посещение 29.04.2025.
2. Международного пакта о гражданских и политических правах. Опубликован на сайте https://lex.uz/en/docs/2638212. Последние посещение 29.04.2025.
3. Сафаров Б. Б. Религиозная политика в Центральной Азии: траектории эволюции // Журнал сравнительной политики. 2020. № 3. С. 45–59.
4. Онлайн портал «Стратегия Узбекистан — 2030» — народная стратегия // https://uzbekistan2030.uz/ru/strategy // Последние посещение 29.04.2025.
5. Семейный кодекс Республики Узбекистан от 30 апреля 1998 г. № 607-I (в ред. 2023 г.) //

ISSN 2181-9572

Национальная база данных законодательства. URL: https://lex.uz/ru/docs/104165
6. Количество браков и разводов в Узбекистане — статистика Госкомстата [Электронный ресурс] // Kun.uz. 12.02.2024. URL: https://kun.uz/ru/news/2024/02/12/v-uzbekistane-sokratilos-kolichestvo-brakov-i-uvelichilos-kolichestvo-razvodov-statistika
7. Количество ранних браков в Узбекистане резко сократилось [Электронный ресурс] // Time.kz. 08.11.2024. URL: https://time.kz/news/2024/11/08/uzbekistanu-udalos-sokratit-rannie-braki
8. В Узбекистане 19 тыс. детей рождены вне брака — официальные данные [Электронный ресурс] // UzNews.uz. 2023. URL: https://uznews.uz/posts/67612
9. Выступление Директора Национального центра Республики Узбекистан по правам человека А.Х.Саидова на Совещании ОБСЕ по человеческому измерению (22 сентября - 3 октября 2014 г., Варшава) Право на свободу мысли, убеждений, религии и вероисповедания. https://www.osce.org/files/f/documents/a/4/124819.pdf
10. Юсупова Н. Ж. Основные принципы исламского права в укреплении семейных отношений. Опубликована в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2018 г. № 1 (307) – 4 (310).
11. М. Мухаммадсидиков. Религиозная толерантность как главная черта общественной жизни Узбекистана // Вестник ЧелГУ. 2009. №40. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-tolerantnost-kak-glavnaya-cherta-obschestvennoy-zhizni-uzbekistana (дата обращения: 29.04.2025).
12. Dr. Laura Yerekesheva. Religious Pluralism and Syncresm in the History of Central Asia: an overview. Oregon University (Eugene, USA) 8 May 2009/ www. academi. edu. 2025.
13. О свободе совести и религиозных организациях: Закон Республики Узбекистан от 1 мая 1998 г. № 616-I (в ред. от 05.07.2021 г.) // Национальная база данных законодательства. URL: https://lex.uz/ru/docs/111505
14. О Концепции обеспечения свободы совести граждан и государственной политики в религиозной сфере: Указ Президента Республики Узбекистан от 11 февраля 2025 г. № ПП–54 // Официальный сайт Президента РУз. URL: https://president.uz
15. Всеобщая декларация прав человека (1948) // ООН. URL: https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights
16. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) // ООН. URL: https://www.ohchr.org
17. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979) // ООН. URL: https://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/
18. Конвенция о правах ребёнка (1989) // ООН. URL: https://www.unicef.org/child-rights-convention